

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-199-207>

УДК 821.161.1.0+821.111.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)6+83.3(4Вел)6

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Л. А. Мальцев

г. Калининград, Россия

© 2022 г. Е. Е. Рябчикова

г. Калининград, Россия

**ТИПОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА СВЯТОГО
В НЕОЖИТИЙНЫХ ПОВЕСТЯХ БОРИСА ЗАЙЦЕВА
«ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ»
И ИВЛИНА ВО «ЕЛЕНА»**

Аннотация: В статье анализируются и сопоставляются образы святых в текстах Бориса Зайцева и Ивлины Во. Показывается, что ключевым моментом обеих нежитийных повестей является тема духовного призвания. Образ Сергия Радонежского с образом равноапостольной Елены объединяют не только христианские ценности, но и принадлежность к «северному» типу святого, выражающемуся в таких качествах как сдержанность, холодность, аскетизм. Текст нежития Б. Зайцева основан на роли традиции в православной картине мира, в нежитийном тексте И. Во главную роль играет персонально-субъективистский фактор. Для образа святого в нежитийной повести И. Во значимым оказывается мифологический и фольклорно-литературный контексты, в повести Зайцева — исторический. Важную роль в нежитийных текстах также играет модель пространства, в основе которой лежит оппозиция «центр — окраина». Культурно-цивилизационный фактор определяет принципы конструирования образов святых. Елена в понимании И. Во — духовный символ страны — «повелительницы морей», ее индивидуальный символ — остров. Сергей Радонежский в интерпретации Бориса Зайцева — представитель «цивилизации суши», его стихия — лес. Равноапостольная Елена Ивлины Во — воплощение английского национального характера, западной культуры, святой Сергей Бориса Зайцева — воплощение русскости, восточной культуры.

Ключевые слова: житие, нежитие, образ, Зайцев, Во, Сергей Радонежский, Елена Равноапостольная.

Информация об авторах:

Леонид Алексеевич Мальцев — доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, ул. А. Невского, д. 14, 236016 г. Калининград, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9137-0004>

E-mail: lamaltsev23@mail.ru

Екатерина Евгеньевна Рябчикова — кандидат филологических наук, делопроизводитель, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, ул. А. Невского, д. 14, 236016 г. Калининград, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9849-1607>

E-mail: ryabchikova_ekaterina@mail.ru

Дата поступления статьи: 13.10.2020

Дата одобрения рецензентами: 15.01.2021

Дата публикации статьи: 28.06.2022

Для цитирования: Мальцев Л. А., Рябчикова Е. Е. Типология национального образа Святого в нежитийных повестях Бориса Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» и Ивлины Во «Елена» // Вестник славянских культур. 2022. Т. 64. С. 199–207. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-199-207>

Каноническая эстетика и поэтика средневековой агиографии возрождается в нежитийной литературе Новейшего времени¹, основным признаком которой является синтез агиографических и биографических жанровых элементов: «В современную биографию великих людей, — по мнению А. Шилиевой, — перешла в какой-то мере основная черта агиографической литературы: жизнеописание святого должно быть источником вдохновения и примером, достойным подражания» [12, с. 15]. Смыслом нежитийной повести, при скрупулезном следовании эстетико-поэтологическим нормам жития, является духовно-эстетический диалог с современным читателем. В русской и английской литературе образцами нежитийного синтеза агиографии и биографии являются повести «Преподобный Сергей Радонежский» (1925) Бориса Константиновича Зайцева и «Елена» (“Helena”, 1950) Ивлины Во.

Пессимистические взгляды английского писателя католического вероисповедания Ивлины Во (1903–1966) на судьбу европейской культуры, духовной основой которой был образ христианской святости, перекликаются с диагнозами польского католического философа Мариана Здзеховского, усматривавшего в атеистической цивилизации апокалиптическую угрозу церкви как духовному фундаменту европейской культуры: «Сначала сделают из церкви национальный памятник, место оскверненное и лишенное души <...> Потом додумаются до того, что пожалеют такого огромного здания для каких-то музейных экспонатов и обустроят там место для развлечений народа; в храмах будут разные магазины, торговцы будут пить пиво перед мраморной Мадонной Микеланджело <...> потом обнаружится брешь в куполе, и вот старый купол снесут и заменят его имитацией из железа; скоро однако увидят, что не стоит консервировать старое здание, и сровняют его с землей <...>. И это будет конец» [13, с. 446].

Духовная аксиология Бориса Константиновича Зайцева (1881–1972) определяется христианско-православными традициями: перед угрозой большевизма, главная опасность которого, по мнению писателя, состоит в богоборчестве, основным источником христианской сотериологии является идеал «святой Руси», которую в художественном творчестве Зайцева олицетворяет Сергей Радонежский. Зайцев является представителем русской христианско-православной духовной прозы, хотя в литературоведении присутствует мысль об аксиологической близости писателя, особенно в ранний период его творчества, «духовной эйдетики» католицизма [9].

По справедливому мнению В. М. Живова, следует не только сближать, но и различать биографический и агиографический жанр, поскольку в центре послед-

¹ Происхождение термина «нежитие» связано с исследованиями творчества Бориса Зайцева [3; 11].

него находится не индивидуальное начало (как в новоевропейской биографии и автобиографии), а типизированный «путь к спасению», христианский «тип святости» [6, с. 10]. По констатации ученого, этот «тип святости» отражает не только универсально-христианскую аксиологию, но и культурную дифференциацию христианского Запада и Востока: «Западные жития обычно написаны в динамической перспективе, автор как бы прослеживает из своей позиции, из земного бытия, по какой дороге прошел святой от этого земного бытия к Царствию Небесному. Для восточной традиции более характерна обратная перспектива, перспектива святого, уже достигшего Небесного Царства и от вышних озирающего свой путь к нему» [6, с. 10]. В индивидуально-авторском стиле нежитийных повестей И. Во и Б. Зайцева проявляется культурологический код охарактеризованной В. М. Живовым оппозиции Запад — Восток, однако имагологическая структура обоих произведений не ограничивается отмеченной оппозицией. Для обоих текстов значимыми являются признаки национальной идентичности святых, образное воплощение в их индивидуальности типов национального характера — соответственно английского и русского. Однако при национальной специфичности характеров святых в образах Елены Равноапостольной и Сергия Радонежского присутствует общехристианский нравственно-религиозный смысл, заключающийся в преодолении эгоцентризма, смирении, а также сознательном отказе от власти согласно ответу Христа на искушение всеми «царствами вселенной»: «...отойди от Меня, сатана; написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи» (Лк. 4: 8).

В нежитийной повести «Елена» на примере подвига равноапостольной Елены (обнаружение реликвии Животворящего Креста) показывается религиозная трансформация личности, переход от «ветхого» к «новому» человеку (Кол. 3: 8–10). Как замечает исследователь творчества Ивлиева Во М. С. Балашова, «автор <...> именно через историю ее жизни раскрывает тему, являющуюся ключевой для всего его мировоззрения, — тему призвания» [1, с. 74]. Не случайно в путевом очерке «Святые места» сам И. Во пишет, что жизнь была дана Елене именно для исполнения призвания: «Из истории жизни Елены можно понять, как действует Бог; Он хочет разного от каждого из нас, трудного или легкого, выдающегося или скромного, но такого, что только мы можем совершить и для чего мы были Им созданы» [14, р. 933].

Призвание также является ключевым мотивом нежития Сергия Радонежского. Но, в отличие от духовной биографии Елены, русский святой начинает исполнять свое предназначение уже в период отрочества, проявляя редкую серьезность и зрелость характера: «Главное же: у него является свое. Не потому набожен, что среди набожных живет. Он впереди других. Его ведет — призвание» [7, с. 27]. В отличие от традиционного жития Епифания Премудрого, в котором Сергей предстает как статический образ, в нежитии Зайцева прослеживается становление и развитие личности русского святого. Автор показывает, как из уединенного отшельника и молитвенника вырастает религиозный и общественный деятель общенационального масштаба. Сознательно не стремясь к активной политической и общественной деятельности, Сергей исполняет волю Божию и именно потому становится во главе монастыря, занимая также активную гражданскую позицию в период борьбы Дмитрия Донского с Золотой Ордой.

В процессе создания повести Ивлиев Во опирался на фольклорную легенду Гальфрида Монмутского [4], сделав Елену уроженкой Британии. В предисловии к повести писатель пояснил свой выбор так: «Там, где авторитетные источники противоречат друг другу, я отдавал предпочтение не самому правдоподобному варианту, а тому, который казался мне интереснее; там же, где они вообще хранят молчание, я давал волю фантазии» [2, с. 8]. В «Святых местах» он пишет, что поездка в Иерусалим в 1935 г.

подпитала в нем чувство национальной гордости: «Во время паломничества я испытывал сильную гордость быть англичанином <...> и сразу же начал набрасывать в уме ряд книг — наполовину исторических, наполовину художественных — о долгих, сложных и тесных взаимоотношениях между Англией и Святой Землей» [14, р. 925]. На наш взгляд, британское происхождение равноапостольной Елены в тексте неожитийной повести И. Во свидетельствует о том, что английский писатель был убежден в особом христианском призвании своей страны. В диссертационном исследовании Е. Е. Рябчиковой верно утверждается, что «национальность Елены подчеркивается уже в первых штрихах портрета святой в период юности», однако «Елена, ассоциируемая с Еленой Троянской, еще не воспринимается как образ христианской святой» [10, с. 120]. В образе молодой Елены раскрываются такие качества, как холодность, сдержанность, дистанция по отношению к авторитетам, самоконтроль, присущие «северному» типу темперамента: «Она сидела с рассеянным видом, и лицо ее выражало уныние и скуку с небольшой примесью благоговения — те чувства, которые испытывает всякий британец ее возраста при знакомстве с Классикой» [2, с. 14]. Именно благодаря вышеперечисленным качествам Елена замечает истинную ценность христианства и недостатки других учений Востока.

Британская идентичность Равноапостольной Елены упоминается также в конце неожитийного текста И. Во, когда героиня принимает «соломоново решение» в вопросе различения крестов Дисмаса и Гестаса, распятых по правую и по левую сторону от Иисуса: «В конце концов Елена решила проблему так, как могла это сделать только уроженка Британии. Она позвала плотника и велела ему, расколов вдоль все четыре бревна, сделать из них два новых креста, каждый из которых содержал бы по половине обоих первоначальных <...>. Один такой крест она отдала Макарию, другой оставила себе» [2, с. 311–312]. Ответственность, отличающую истинного лидера, и связанную с ней мудрость Ивлин Во считает неотъемлемыми чертами британского характера. Элиас Каннети называет корабль «массовым символом» англичан, своеобразным домом, подчиняющим море своей воле: «Англичанин видит себя капитаном на корабле, окруженным маленькой группой людей, а вокруг него и под ним — море» [8, с. 186]. Способность Елены Британской подчинять море проявляется и в повести И. Во: «Рыбаки Адриатики рассказывают, что, когда Елена проплывала там и ее галере грозило крушение, она успокоила бушующие волны, бросив в воду один из священных гвоздей, и море с тех пор стало безопасным для моряков» [2, с. 312–313].

Образ Сергия Радонежского с образом равноапостольной Елены объединяет принадлежность к «северному» типу святого: «В нем (Сергии. — *Л. М., Е. Р.*) есть некоторый север духа» [7, с. 45]. Русский «код» Сергия Радонежского в повести Зайцева проявляется во внешней черте, которая считается на Западе одним из недостатков русского коммуникативного поведения, — в отсутствии улыбки: «Но насколько можно чувствовать Сергия, чрез тьму годов и краткие сообщения, в нем вообще не было улыбки» [7, с. 39]. Однако, по Зайцеву, это не недостаток национального характера, а его самобытность, сущность которого — в преобладании внутреннего, духовного начала над внешним, телесным. Как «северный» святой, Сергей является символом дисциплины духа и именно в этом свойстве противопоставляется «южному» типу святого Франциску Ассизскому, с присущей ему, по мнению русского писателя, мистической экзальтацией: «Находил Варфоломей (мирское имя Сергия. — *Л. М., Е. Р.*) гармоничность, при которой был самим собой... В нем не было экстаза, как во Франциске Ассизском» [7, с. 27]. Зайцев считает, что «северному» типу святого свойственен подвижнический стиль жизни, соединяющий земное (трудовое) начало с небесным. В этом основное отличие

Сергия от Франциска, который, по мнению Зайцева, был «не от мира сего»: «Блаженный из Ассизи не чувствовал под собой земли. Всю недлинную свою жизнь он летел, в светлом экстазе, над землей, но летел “в люди”, с проповедью апостольской и Христовой, ближе всех подходя к образу самого Христа. Поэтому и не мог, в сущности, ничего на земле учредить (учредили за него другие)» [7, с. 37]. Именно то, что отличает Сергия от Франциска, объединяет его с равноапостольной Еленой, которая стала инициатором дела, имевшего общехристианское значение и потребовавшего лично от нее деловитости, прагматизма.

Но если Елена в интерпретации И. Во — духовный символ «цивилизации моря», то Сергей Радонежский — представитель «цивилизации суши», его основная «домашняя» стихия — лес. В этой связи показательно наблюдение Н. Я. Данилевского: «Лес имеет <...> огромную культурородную силу. Он имеет и другое влияние: своей таинственной гущей и полумраком он навеивает поэтическое настроение духа на живущий в нем народ. Я не думаю, что самобытная культура, вне всякого постороннего влияния, могла возникнуть иначе как в лесной стране» [5, с. 230]. Духовный подвиг уединения совершается Сергием в лесу, и именно в этой стихии зарождаются монастыри, которые, в свою очередь, становятся «зародышем» русской цивилизации: «Монастыри “сергиевские” — их считают до сорока, а от себя они произвели еще около пятидесяти — в огромном большинстве основаны в местах пустых и диких, в дебрях. Не они пристроены к преуспевавшей жизни — жизнь от них родится в лесных краях, глухоозерных» [7, с. 67].

Принципы создания образа святого в нежитийных текстах Б. Зайцева и И. Во продиктованы цивилизационными, национальными, историческими и природными факторами. В связи с этим поэтологические основания нежития в реализации Б. Зайцева и И. Во определяются принципиальным разграничением культурно-цивилизационных кодов английской и русской литературы как частей западнохристианской и восточнохристианской культуры. Несмотря на то что Борис Зайцев отходит от канонической статистики средневековой русской агиографии и по законам реализма показывает путь духовного развития святого, нежитийный текст Зайцева сохраняет код «обратной перспективы», основанный на фундаментальной роли традиции в христианско-православной картине мира. Текстуальным выражением традиции для русского писателя XX в. является история жизни Сергия Радонежского, изложенная в житиях Епифания Премудрого (XIV–XV вв.) и архимандрита Никона Рождественского (XIX в.) [11, с. 143]. В нежитии Ивлины Во большую роль, чем традиция, играет персонально-субъективистский фактор: на гетерогенной основе, из фрагментов разных литературных текстов, автор «Елены» воссоздает житийный текст, соответствующий его индивидуально-авторскому мировидению. Опираясь на легенду о британском происхождении святой Елены, И. Во использует сослагательное наклонение, т. е. он выступает не транслятором старых преданий, а творцом беспрецедентного текста, основанного на допущении истинности легенды о Елене как дочери британского короля Коля.

Создавая образ Равноапостольной Елены, Ивлин Во сравнивает ее как с древнегреческим образом Елены Троянской, так и с образом одноименной героини шотландской баллады «Елена из Кирконнела». Как утверждает в диссертации Е. Е. Рябчиковой, «интертекстуальными сигналами контаминации античного мифа и шотландской легенды являются названия второй и третьей глав повести Во — “Fair Helen forfeit” (“Прекрасная Елена, добыча победителя”), отсылающие к античной мифобиографии Елены, и “None but my foe to be my guide” (“И недруг будет мне поводырем”), являющиеся дословной цитатой баллады “Елена из Кирконнела”» [10, с. 123]. Героиня пове-

сти И. Во несколько раз упоминает “sea-girt Kranae” — «опоясанную морем Кранаю», остров, на котором, согласно одной из версий античного мифа, Парис укрывал Елену от Менелая. Таким образом, «остров становится личной эмблемой Равноапостольной Елены в трактовке Ивлины Во, выражающей индивидуализм и аскетизм святой, а также служащей косвенным указанием на ее британское происхождение» [10, с. 123].

Для образа святого в нежитийной повести Зайцева значимым является не столько мифологический и фольклорно-литературный, сколько исторический контекст, связанный с русской революцией 1917 г. и последовавшей за ней советской эпохой. Для Зайцева как писателя-эмигранта благословение Сергием Радонежским московского князя Дмитрия Донского на борьбу против монголо-татарского ига образует метаисторическую параллель с событиями русской истории XX в.: «В поединке Руси с Ханом имя Сергия навсегда связано с делом созидания России» [7, с. 24]. Эту символичность Куликовской битвы предвидел еще Александр Блок в классическом цикле стихотворений «На поле Куликовом» (1908). Символика освободительной войны Московской Руси против Золотой Орды указывает на эсхатологическую борьбу между Христом и Антихристом, «полем» которой в XX в., по Блоку и Зайцеву, становится Россия.

Оппозиция «центр — окраина» играет важную роль для определения национального характера святого в нежитийных повестях Б. Зайцева и И. Во. В выше цитированном диссертационном исследовании о творчестве И. Во образ Равноапостольной Елены рассматривается как «прототипическое воплощение идеи паломничества от окраины европейской цивилизации в Иерусалим как ее духовный центр — “axis mundi”» [10, с. 125]. В сознании героини повести И. Во духовный центр мира в Иерусалиме сосуществует со светским центром западноевропейской цивилизации — Римом, в чем отражается католическая тенденция интерпретации образа Елены у английского писателя: «Я подумала — не может ли стена проходить по самому краю Земли, чтобы любой народ, и цивилизованный и варварский, стал частичкой Рима?» [2, с. 70].

В нежитийной повести Зайцева о Сергии Радонежском в контексте русской истории также присутствует идея двух центров — мирского и духовного: «Митрополичья кафедра в Москве — узел правления. Сергиева Лавра под Москвой — узел духовного излучения, питательный источник для всего рождающегося государства» [7, с. 66]. По мнению Бориса Зайцева, «Москва — третий Рим» (в соответствии с идеологией монаха Филофея). Москва именно по праву географического центра русских земель выиграла историческую конкуренцию у Киева, города более древнего, чем Москва, однако: «Киев и киевская культура слишком эксцентричны для России, слишком местное. Особенно в татарщине это заметно: Киев от нее, в сущности, не оправился, представлять великую державу никогда не смог, не нес и тяжести собирания земли — все это отдал он Москве. Она и затмила его и как государство, и святыней» [7, с. 65–66].

В классических нежитийных текстах Бориса Зайцева и Ивлины Во созданы иматипы русского и английского святого, которых объединяют христианские духовные ценности, в том числе смирение, подвижничество, отречение от властных амбиций. Различает образы святых цивилизационная и национальная идентичность, проявляющаяся в том, что Равноапостольная Елена Ивлины Во — представительница западнохристианской культуры, Святой Сергей Бориса Зайцева — представитель восточнохристианской культуры. В нежитиях И. Во и Б. Зайцева Елена и Сергей представляют тип «северного» святого, основными качествами которого являются сдержанность, деловитость, аскетизм. В интерпретации Ивлины Во индивидуальным символом святой Елены является остров, для святого Сергия в трактовке Бориса Зайцева символическим эквивалентом является образ леса. Нежития И. Во и Б. Зайцева имеют также геополитическое

измерение, связанное с оппозицией «центр — окраина». Ивлин Во как католический писатель придерживается идеи Рима как единственного легитимного центра христианской Европы, тогда как Б. Зайцев является приверженцем русской историософской концепции «Москвы — третьего Рима».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Балашова М. С.* Образ святой в романе Ивлина Во «Елена» // Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика. 2012. № 3. С. 74–79.
- 2 *Во И.* Елена. М.: АСТ: Астрель, 2010. 318 с.
- 3 *Воропаева Е. В.* «Афон» Бориса Зайцева // Литературная учеба. 1990. Кн. 4. С. 32–35.
- 4 *Гальфрид Монмутский.* История бриттов // Lib.ru. URL: http://www.lib.ru/INOOLD/ENGLAND/br_history.txt (дата обращения: 23.09.2020).
- 5 *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 576 с.
- 6 *Живов В. М.* Святость: Краткий словарь агиографических терминов. М.: Гнозис, 1994. 113 с.
- 7 *Зайцев Б. К.* Преподобный Сергей Радонежский // Святая Русь. М.: Русская книга, 2000. Т. 7. 131 с.
- 8 *Каннети Э.* Масса и власть. М.: Ad Marginem, 1997. 527 с.
- 9 *Коряков П. В.* Монашество в творчестве Б. К. Зайцева: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 208 с.
- 10 *Рябчикова Е. Е.* Имагологическая проблематика творчества Ивлина Во: дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2019. 182 с.
- 11 *Синельникова Г. П.* Неожитие Б. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» // Культура и текст. 2005. № 9. С. 143–152.
- 12 *Шуляева А.* Борис Зайцев и его беллетризированные биографии. N.Y.: Волга, 1971. 175 с.
- 13 *Zdziechowski M.* Wybór pism. Kraków: Znak, 1993. 546 p.
- 14 *Waugh E.* Waugh Abroad. Collected Travel Writing. N.Y.: Everyman's Library, 2003. 1064 p.

© 2022. **Leonid A. Maltsev**
Kaliningrad, Russia

© 2022. **Ekaterina E. Ryabchikova**
Kaliningrad, Russia

**TYOLOGY OF THE NATIONAL IMAGE OF SAINTS
IN NEOHAGIOGRAPHICAL NOVELS “HELENA”
BY EVELYN WAUGH AND
“ST. SERGIUS OF RADONEZH” BY BORIS ZAYTSEV**

Abstract: The paper conducts analysis and compares the images of saints in neohagiographical texts by Evelyn Waugh and Boris Zaytsev. It shows that the key moment in both novels is the subject of vocation. The image of St. Sergius and the

image of St. Helena are similar not only in terms of Christian values but in “northern” type of temperament, which is expressed in such personality traits as restraint, emotional distance, asceticism. B. Zaitsev's neohagiographical text is based on the role of tradition in the Orthodox picture of the world; in E. Waugh's neohagiography the personal-subjectivist factor plays the main role. The mythological and folklore-literary contexts turn out to be significant for the image of the saint in Waugh's story, while in Zaitsev's story it is the historical one. The key role in neohagiographical texts also belongs to the model of space with the underlying opposition centre — periphery. Cultural and civilizational factors define the principles of creating the images of saints. Helena in Waugh's understanding is a spiritual symbol of England — “queen of the seas”, — her individual symbol is an isle; St. Sergius in Zaitsev's interpretation is a representative of the “terra firma”, his symbol is a forest. St. Helena by Evelyn Waugh is the embodiment of English national character traits, western culture; St. Sergius by Zaitsev is the embodiment of Russianness, eastern culture.

Keywords: hagiography, neohagiography, image, Waugh, Zaitsev, St. Helena, St. Sergius of Radonezh.

Information about the authors:

Leonid A. Maltsev — PhD in Philology, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Nevsky St., 14, 236016 Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9137-0004>

E-mail: lamaltsev23@mail.ru

Ekaterina E. Ryabchikova — PhD in Philology, Secretary, Immanuel Kant Baltic Federal University, Nevsky St., 14, 236016 Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9849-1607>

E-mail: ryabchikova_ekaterina@mail.ru

Received: October 13, 2020

Approved after reviewing: January 15, 2021

Date of publication: June 28, 2022

For citation: Maltsev L. A., Ryabchikova E. E. Typology of the national image of Saints in neohagiographical novels “Helena” by Evelyn Waugh and “St. Sergius of Radonezh” by Boris Zaitsev. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 64, pp. 199–207. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-199-207>

REFERENCES

- 1 Balashova M. S. *Obraz sviatoi v romane Ivлина Vo “Elena”* [The image of the saint in Evelyn Waugh's “Helena”]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta, Series Filologiya. Zhurnalistika* [Philology. Journalism], 2012, no 3, pp. 74–79. (In Russian)
- 2 Vo I. *Elena* [Helena]. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2010. 318 p. (In Russian)
- 3 Voropaeva E. V. “Afon” Borisa Zaitseva [“Athos” by Boris Zaitsev]. *Literaturnaia ucheba*, 1990, book 4, pp. 32–35. (In Russian)
- 4 Gal'frid Monmutskii. *Istoriia brittov* [The History of the Britons]. In: *Lib.ru*. Available at: http://www.lib.ru/INOOLD/ENGLAND/br_history.txt (accessed 23 September 2020). (In Russian)
- 5 Danilevskii N. Ia. *Rossia i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 576 p. (In Russian)
- 6 Zhivov V. M. *Sviatost': Kratkii slovar' agiograficheskikh terminov* [Holiness: A concise dictionary of hagiographic terms]. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 113 p. (In Russian)

- 7 Zaitsev B. K. Prepodobnyi Sergii Radonezhskii [Venerable Sergius of Radonezh]. In: *Sviataia Rus'* [Holy Russia]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2000. Vol. 7. 131 p. (In Russian)
- 8 Kanneti E. *Massa i vlast'* [Crowds and Power]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1997. 527 s. (In Russian)
- 9 Koriakov P. V. *Monashestvo v tvorchestve B. K. Zaitseva* [Monasticism in B. K. Zaytsev's works: PhD dissertation]. Moscow, 2002. 208 p. (In Russian)
- 10 Riabchikova E. E. *Imagologicheskaiia problematika tvorchestva Ivлина Vo* [Imagological problematics of Evelyn Waugh's works: PhD dissertation]. Kaliningrad, 2019. 182 p. (In Russian)
- 11 Sinel'nikova G. P. Neozhitie B. Zaitseva «Prepodobnyi Sergii Radonezhskii» [Neohagiography “St. Sergius of Radonezh” by B. Zaytsev]. *Kul'tura i tekst*, 2005, no 9, pp. 143–152. (In Russian)
- 12 Shiliaeva A. *Boris Zaitsev i ego belletrizirovannye biografii* [Boris Zaytsev and his fictionalized biographies]. New York, Volga Publ., 1971. 175 p. (In Russian)
- 13 Zdziechowski M. *Wybór pism* [Choice of writings]. Kraków, Znak Publ., 1993. 546 p. (In Polish)
- 14 Waugh E. *Waugh Abroad. Collected Travel Writing*. New York, Everyman's Library, 2003. 1064 p. (In English)